

15 Іюня

№ 12

VII годъ

№ 12

1896 года.

# ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во въгородъ Имперіи. За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства: С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

## ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

### ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

1. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу ходатайства Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, въ 14-й день минувшаго мая мѣсяца Всемилостивѣйше соизволилъ на пожалованіе Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства Александрѣ Желобовскому аренднаго производства изъ Государственнаго Казначейства, въ продолженіе шести лѣтъ, съ 14-го мая 1896 года по двѣ тысячи пяти сотъ рублей въ годъ.

## 2.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Всемилоостивѣйше соизволилъ къ 14-му числу мая, къ высокосторже-ственному дню Священнаго Коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, пожаловать благочиннаго С.-Петербургскихъ и Новгородскихъ церквей армейскаго вѣдомства, протоіерея церкви при Клиническомъ военномъ госпиталѣ Алексія *Старовскаго* орденомъ Св. Анны 1-й степени.

---

Лестный отзывъ о военномъ пастырѣ.

## ИЗЪ ПРИКАЗА

по 9-й пѣхотной дивизіи 36-го пѣхотнаго Орловскаго полка.

Въ дополненіе къ приказу по полку, отъ 17 февраля сего дня за № 48, объявляя объ отъѣздѣ къ новому мѣсту службы Священника Бриллиантова, въ силу перевода оставляющаго насъ, не могу не высказать, разставаясь съ нимъ, глубокаго и сердечнаго о томъ сожалѣнія всѣхъ чиновъ полка, съ которыми, въ теченіе 23-хъ лѣтней службы въ полку, пастырская дѣятельность постоянно его соединяла. Одно уже такое почтенное число лѣтъ служенія въ полку обязываетъ меня, по долгу службы, остановиться на заслугахъ о. Теодора Бриллиантова, всегда заставлявшихъ видѣть въ немъ достойнѣйшаго послѣдователя заповѣдей Христа и усерднѣйшаго служителя церкви. Исполнять обязанности Пастыря и утѣшать скорбящихъ не останавливала Теодора Александровича даже явно угрожавшая жизни его опасность, какъ это было въ минувшую войну съ Турками, при оборонѣ Шипки, гдѣ онъ, переживая съ полкомъ всѣ ужасы войны, безропотно продолжалъ свое святое пастырское дѣло надъ изувѣченными и умирающими сынами полка.

Заслуга эта, принесшая ему въ награду наперсный крестъ на Георгіевской лентѣ, конечно, будетъ напоминать многолѣтнюю его службу въ Орловскомъ полку и пережитую съ нимъ страдную пору на Шипкѣ, но въ данномъ случаѣ не можетъ выразить ни скорби нашей при разставаніи съ Θεодоромъ Александровичемъ, ни признательности за его о насъ постоянныя молитвы; вотъ почему, отъ имени чиновъ полка и съ разрѣшенія Протопресвитера, я прошу его принять на память такой же крестъ, вступая съ которымъ на новый служебный путь свой, о. Θεодоръ, конечно не откажетъ въ молитвахъ своихъ вспоминать о сердечно признательныхъ ему сослуживцахъ, съ которыми онъ, въ теченіе 23-хъ лѣтней службы его въ Орловскомъ полку, какъ пастырь добрый, дѣлилъ и радости и горе.

Командиръ полка Полковникъ *Анненковъ*.

Доброе слово Священниковъ 9-й пѣхотной дивизіи о бывшемъ своемъ сослуживцѣ, священникѣ о. Θεодорѣ Бриллиантовѣ.

Въ 1874-мъ году на вакансію священника къ церкви 36-го пѣхотнаго Орловскаго полка распоряженіемъ Главнаго Священника Арміи и флота опредѣленъ былъ о. Θεодоръ Бриллиантовъ. Прослуживъ два съ половиною года мирнаго времени, онъ съ полкомъ пошелъ въ военный походъ, и съ нимъ неразлучно участвовалъ съ сраженіяхъ въ войну съ Турками 1877—1878-го годовъ. Во время боя о. Θεодоръ, какъ пастырь, любящій свою паству, заботливо, съ геройскою отвагою и энергіей, не щадя жизни своей, исполнялъ пастырскія обязанности и подавалъ раненымъ помощь; особенно явилъ онъ дѣятельность на Шипкѣ, въ сраженіяхъ съ 9-го по 14 августа 1877 г. Эти дни хранятся глубоко въ памяти тѣхъ, кто участвовалъ въ сраженіяхъ; уцѣлѣвшіе отъ ранъ и оставшіеся въ живыхъ сердечную возносили тогда хвалу и благодареніе, возносятъ теперь и будутъ возносить, до часа смертнаго, Господу Богу, благодарившему. Далѣе отецъ Θεодоръ находился съ полкомъ въ сраженіи при г. Еленѣ, 21—23 ноября 1877-го года. Здѣсь пришлось много потерпѣть отъ недостатка пищи, усиленныхъ трудовъ при напутствованіи раненыхъ и погребеніи убитыхъ. Послѣ Еленскаго боя ровно черезъ мѣсяцъ приказано было въ числѣ другихъ полковъ дивизіи выступить и 36 пѣхотному Орловскому за Бал-

каны; движеніе началось съ 24 го декабря и продолжалось по 27 число того мѣсяца (1877 г.); а 27-го съ утра полкъ вступилъ бой съ Турками у деревни «Шипка», и о. Ѳеодоръ находился на перевязочномъ пунктѣ, онъ не только исполялъ долгъ пастырской службы, но съ особымъ усердіемъ и охотою помогалъ перевязывать раненыхъ. Великое (русское) спасибо труженику пастырю отцу Ѳеодору; онъ не щадилъ здоровья, забывалъ голодъ и холодъ, радѣлъ только о страждущихъ раненыхъ воинахъ и своимъ усердіемъ и самопожертвованіемъ призывалъ къ работѣ и другихъ.

Прослуживъ въ 36 пѣх. Орловскомъ полку двадцать два года,—со дня назначенія и по день перевода къ церкви Рижскаго военнаго госпиталя, (8 февраля 1896 года), отецъ Ѳеодоръ въ продолженіе этой многолѣтней службы въ полку всегда былъ общителенъ, отзывчивъ на все доброе, готовъ дать добрый совѣтъ каждому, а гдѣ нужда звала, то и матеріальную поддержку оказать, особенно въ критическія минуты онъ никому не отказывалъ подать руку помощи; эта благороднѣйшая черта въ его житейской и служебной дѣятельности свѣжо сохранится на многія годы.

Разставаясь съ добрымъ сослуживцемъ, прекраснымъ товарищемъ и истиннымъ собратомъ, мы, священно—служители, многіе годы проведеніе въ одной дивизіи съ о. Ѳеодоромъ приносимъ ему глубочайшую признательность за его обходительность, сердечно скорбимъ, что онъ оставилъ службу въ средѣ духовенства 9-й дивизіи, искренно желаемъ ему полнѣйшаго пріобрѣтенія на новомъ мѣстѣ службы, да продлитъ Господь дни жизни, укрѣпитъ силы на многія лѣта и даруетъ ему милость, чтобы его полюбили чины Рижскаго военнаго госпиталя такъ, какъ любили Орловцы и духовенство 9-й пѣхотной дивизіи.

Благочинный 9-й пѣхотной дивизіи, Протоіерей Павелъ Гапановичъ.

## ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ

### Слово въ 3-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

(О необходимости труда для пріобрѣтенія насущныхъ потребностей).

Въ Евангеліи, положенномъ читать за литургіей въ третью недѣлю по Пятидесятницѣ, Господь І. Хр. даетъ намъ совѣты по такимъ вопросамъ,

которые составляютъ главную заботу въ нашей жизни. Между прочимъ въ Евангеліи говорится: «Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣваться. Взгляните на птицъ небесныхъ, онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше птицъ? И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевые лиліи, какъ онѣ растутъ? Не трудятся, ни прядутъ. Но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ маловѣры!» (Матѳ. 6. 25. 30).

Между тѣмъ, мы всю жизнь свою трудимся и работаемъ, весь свой умъ и всю напрягаемъ, чтобы пріобрѣсти средства для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей: пищи и одежды. Не грѣшимъ ли мы, поступая такъ, не должны ли мы, оставить трудъ и заботы о пропитаніи и жить какъ птицы небесныя, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ? Нѣтъ, христіане, избави Богъ васъ отъ такого заблужденія и неправильнаго пониманія словъ Спасителя. Человѣкъ обязанъ трудиться для своего пропитанія. Еще въ лицѣ перваго человѣка Адама, Господь повелѣлъ людямъ *въ потѣ лица доставать себѣ хлѣбъ* (Быт. 3. 19); обязанность трудиться лежитъ на всѣхъ христіанахъ, потому то ап. Павелъ и говорить: «мы *завѣщавали вамъ сіе: если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь*» (2 Сол. 3. 10). Это правило св. Апостоль и самъ исполнялъ строже и усерднѣе другихъ. Онъ не только трудился, проповѣдуя слово Божіе, но и работалъ для удовлетворенія своихъ нуждъ, о чемъ неоднократно и говоритъ въ своихъ посланіяхъ: «*нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи*» (Дѣян. 20. 34). «*Трудимся, работая своими руками*» (1 Кор. 4. 12). «*Ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ... и чтобы себя самихъ дать вамъ въ образецъ для подражанія намъ*» (2 Фессал. 3. 8. 9). Трудиться нужно даже и тому, кто не нуждается въ пріобрѣтеніи насущныхъ потребностей, и могъ бы прожить безъ труда; трудъ отвлекаетъ отъ праздности, которая есть мать всѣхъ пороковъ, она противна Богу и вводитъ человѣка въ искушеніе, какъ говоритъ Апостоль: «*будучи праздны, пріучаются ходить по домамъ и бываютъ не только праздны, но и болтливы, любопытны и говорятъ, чего не должно*»

(1 Тим. 1. 13). Стало быть, трудиться вообще, а тѣмъ болѣе для пропитанія, необходимо.

Совѣты же Спасителя, прочитанные въ Евангеліи, относятся къ тѣмъ людямъ, которые въ своихъ заботахъ о пріобрѣтеніи земныхъ благъ и объ удовлетвореніи своихъ тѣлесныхъ потребностей, забываютъ о своей душѣ и о потребностяхъ душевныхъ. Такіе люди не ограничиваются пріобрѣтеніемъ необходимаго, они стараются пріобрѣсти богатство для прихотей, для удовлетворенія господствующихъ въ человѣкѣ страстей: сладострастія, честолюбія и властолюбія; при чемъ для пріобрѣтенія богатства часто употребляютъ средства нечестныя и незаконныя: обманъ, корыстныя игры, тяжбы, подлоги, притѣсненія и друг.. Такими средствами пріобрѣтаемое богатство и употребляемое только на свои прихоти, не даетъ счастія для души. Душа наша сотворена по образу и подобию Божію, она небеснаго происхожденія и постоянно стремится къ своему первообразу, — къ Богу, ищетъ царствія небеснаго. Если мы, заботясь только о тѣлѣ, забываемъ о душѣ, то она тоскуетъ и человѣкъ счастія въ жизни не находитъ, хотя бы всѣ блага міра видимаго, со всѣми его безчисленными созданіями, сокровищами и красотою мы пріобрѣли. *«Какая польза человеку, если онъ пріобрѣтетъ міръ, а душу своей повредитъ? Или какой дастъ выкупъ за душу свою»* (Матѣ. 16. 26), говоритъ Господь. Нужно искать, прежде всего для души блага, — царствія Божія, тогда Господь благословитъ и труды наши для пропитанія.

Далѣе, совѣты Спасителя относятся также и къ тѣмъ людямъ, которые въ своихъ заботахъ объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей надѣются только на себя, на свой умъ, на свои силы, забывая, что *всякое даяніе бодрое и всякій даръ совершенный нисходитъ свыше отъ Отца свѣтовъ* (Іоак. 1. 17). Сколько бы человѣкъ не трудился, но если Господь не благословитъ его трудовъ и не пошлетъ ему помощи, то онъ не будетъ имѣть успѣха. Предостерегая самонадѣянность, ап. Іаковъ говоритъ: *«послушайте вы, говорящіе: сегодня или завтра отправимся въ такой-то городъ и проживемъ тамъ одинъ годъ и будемъ торговать и получать прибыли, — вмѣсто того, чтобы говорить: если угодно будетъ Господу и живы будемъ, то сдѣлаемъ то или другое. Вы по своей надменности тщеславитесь, всякое такое тщесловіе есть зло* (Іак. 4. 13—15).

Наконецъ, грѣшатъ противъ совѣтовъ Спасителя и тѣ люди, которые

при неудачахъ въ жизни падаютъ духомъ, теряютъ бодрость и впадаютъ въ малодушіе, уныніе и отчаяніе. Въ жизни не одни только радости да удачи встрѣчаются, часто бываютъ, по волѣ Божіей, и неуспѣхи въ трудахъ; то неурожай Господь пошлетъ за грѣхи наши, или для испытанія нашего, и пропадаетъ трудъ земледѣльца, то пожаръ истребитъ имущество труженика, то недобрый человѣкъ обокрадетъ скопленное трудами многихъ лѣтъ, иногда неудача по службѣ случится, или болѣзнь кормильца семьи лишитъ заработка и вообще въ жизни *много золъ праведнику*; но мы не должны падать духомъ и терять надежду на Бога, ибо *отъ всѣхъ золъ избавляетъ его Господь, избавляетъ Господь душу рабовъ Своихъ и всѣ уповающіе на Него не погибнутъ* (Пс. 34. 20. 23). Намъ, по человѣческому нашему разумѣнію, иногда кажется, что нѣтъ никакой надежды выйти изъ трудныхъ обстоятельствъ жизни, но *«знаетъ Господь, какъ избавитъ благочестивыхъ отъ искушенія»* (2 Пет. 2. 9). А какъ часто въ нынѣшнемъ вѣкѣ приходится встрѣчать малодушныхъ людей! Одна—двѣ неудачи житейскія, иногда даже пустыя, и человѣкъ теряетъ вѣру въ Бога, и надежду на Его помощь, начинаетъ искать забвенія въ пагубной страсти,—въ пьянствѣ и нерѣдко кончаетъ счеты съ жизнію чрезъ самоубійство. Избави Богъ всякаго отъ такого малодушія!

Не запрещаетъ Господь вышеприведенными евангельскими словами заботиться и объ одеждѣ не только необходимой для прикрытія своей наготы и для защиты отъ холода, но даже и о красивой одеждѣ, приличной званію, полу, состоянію и общественному положенію человѣка. Одѣваться красиво и даже нарядно есть врожденное чувство въ человѣкѣ и Самъ Господь Іисусъ Христосъ носилъ одежду не сшитую, а всю тканную, на столько цѣнную, что воины метали о ней жребій; правда эта одежда была даръ усердія почитателей Его, но Спаситель не принялъ бы этого дара, если бы не смотрѣлъ снисходительно на ношеніе красивой одежды; предосудительна не забота объ одеждѣ, а суетность въ одѣяніи и расточительность не по средствамъ. Нашъ знаменитый проповѣдникъ, святитель Филаретъ вотъ какъ говоритъ объ этомъ предметѣ: «Не должно отвергать всякое благолѣпіе и всѣмъ облекаться въ рубища, есть родъ и степень благолѣпія и даже великолѣпія въ одѣяніи, который назначаетъ не пристрастіе, но благоприличіе, не суетность, но состояніе, не тщеславіе, но долгъ и обязанность; но попеченіе безъ конца, но пышность безъ мѣры, расточеніе

безъ цѣли, ежедневныя перемѣны уборовъ потому только, что есть люди, которые имѣютъ низость заниматься изобрѣтеніями сего рода, и что слишкомъ много такихъ, которые имѣютъ рабскую низость подражать симъ рабскимъ изобрѣтеніямъ,—невѣроятная безразсудность» (Моск. мит. Фил. сл. въ 3 нед.). А другой отечественный же святитель пишетъ: «Христіанинъ въ своемъ одѣяніи долженъ держаться правилъ Церкви. Церковь въ дни обыкновенныя облекается въ одежды обыкновенныя, а въ дни торжественныя облекается свѣтлѣе и благолѣпнѣе, но всегда прилично и благочинно; такъ долженъ поступать и христіанинъ: не одѣянія въ немъ предосудительны, но суетность, безвременность и пустыя прихоти» (сл. пр. Михаила). Къ сожалѣнію, у насъ въ заботахъ о нарядахъ весьма многіе выходятъ за предѣлы благоразумія. Иная бѣдная дѣвушка дни и ночи работаетъ, здоровье свое убиваетъ, неизлѣчимыя болѣзни наживаетъ, отказываетъ себѣ въ питательной пищѣ и дѣлается добровольной мученицей не ради насущнаго куска хлѣба, а только для того, чтобы въ нарядахъ не отстать отъ другихъ. Жалкая цѣль! Но и богатые не малыя жертвы приносятъ, чтобы своими нарядами затмить другихъ, вызвать удивленіе и зависть. Тѣ и другіе, если и обратятъ на себя вниманіе своими нарядами, то оно, конечно, будетъ не въ пользу ихъ,—благоразумный человѣкъ или съ грустію пожалѣетъ ихъ, или посмѣется надъ ними. Вотъ противъ такихъ то увлеченій нарядами, противъ суетливости и расточительности въ одѣяніи и направлены совѣты Спасителя.

Итакъ, пр. христіане, будемъ работать и трудиться для пропитанія своего и для удовлетворенія насущныхъ потребностей: пищи и одежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ не будемъ забывать и о потребностяхъ душевныхъ,—о царствіи небесномъ и наши заботы о пропитаніи и одеждѣ не будутъ противорѣчить ученію Господа. Аминь.

Протоіерей Гр. Лапшинъ.

Поученіе въ день праздника 1-й роты 189-го пѣх. резер. Переволоченскаго полка, въ честь иконы Божіей Матери Троеручицы, 28 іюня.

Православное воинство! Вполнѣ убѣжденъ, что молясь по христіанскому обычаю передъ иконою праздника, вы не разъ обращали вниманіе свое и присматривались къ особенному отличію изображенія сего отъ другихъ иконъ Божіей Матери. Но знаете ли почему къ изображенію сему придается третья рука, а икона называется «Троеручицей»? Повѣствованіе объ этой иконѣ тѣсно связано съ нѣкоторыми обстоятельствами изъ жизни угодника Божія Іоанна, который по мѣсту жительства своего назывался еще Дамаскинымъ. Вотъ объ этомъ, ради ротнаго вашего праздника, я хочу побесѣдовать съ вами и представить добрый урокъ благоразумной осторожности къ ближнимъ.

Въ Православной Христіанской Церкви являлось множество богоизбранныхъ людей, подвизавшихся во славу и защиту отъ враговъ св. вѣры. Въ числѣ этого сонма труженниковъ для пользы православной вѣры Господь воздвигъ во свое время и св. Іоанна. Жилъ онъ назадъ тому болѣе тысячи лѣтъ въ одномъ изъ городовъ теперешней азіатской Турціи—Дамаскъ. Въ бытность свою на службѣ у тамошняго князя онъ, какъ весьма умный человекъ, занималъ важную государственную должность, но это въ тоже время не мѣшало ему ратовать противъ появившихся тогда еретиковъ, т. е. людей, извращавшихъ истинное христіанское ученіе и хотѣвшихъ уничтожить почитаніе иконъ Господа нашего Іисуса Христа, Пречистой Его Матери и св. угодниковъ Божіихъ, почему и названныхъ «иконоборцами». Въ числѣ этихъ иконоборцевъ еретиковъ былъ самый важный греческій императоръ Левъ Исаврянинъ, какъ главный пособникъ ихъ и покровитель. Будучи врагомъ иконопочитанія и не находя возможности побѣдить выступившаго противъ этой ереси такого сильнаго по уму противника какъ Іоаннъ Дамаскинъ, императоръ Левъ не постыдился для одолѣнія его воспользоваться низкой клеветою и чуть было не погубилъ Іоанна. Онъ писалъ къ дамаскому князю, что Іоаннъ замышляетъ противъ него и города измѣну, въ доказательство чего имѣетъ будто отъ Іоанна письма. Князь хотя любилъ Іоанна за его высокій умъ и опытность въ государственныхъ дѣлахъ, но, будучи крайне огорченъ ошибкою, что довѣрился такому недостойному и опасному человѣку и, не подозрѣвая что въ сообщеніи этомъ кроется злобная клевета

и коварное ухищреніе противъ Іоанна, за его ревностную защиту св. иконъ, велѣлъ отсѣчь Іоанну кисть руки и, на страхъ другимъ, повѣсить ее на городской площади. Вечеромъ того дня, когда князь успокоился отъ гнѣва, Іоаннъ посылаетъ къ нему друзей своихъ и умоляетъ черезъ нихъ возвратить ему руку; въ чемъ и оказана ему милость. По наступленіи ночи затворяется невинный страдалецъ въ своемъ домѣ и, приложивъ отсѣченную кисть къ рукѣ, падаетъ передъ образомъ Богоматери съ усердною молитвою объ исцѣленіи руки его, давая при томъ обѣтъ, что по исцѣленіи еще съ большею настойчивостію и силою будетъ ратовать противъ иконоборцевъ и трудиться на пользу вѣрныхъ. Послѣ долгаго молитвеннаго подвига и изнуренія отъ страданій онъ засыпаетъ и явившаяся ему въ сонномъ видѣніи Пресвятая Дѣва милостиво сказала: «вотъ рука твоя здорова, не скорби болѣе и исполни то, что обѣщалъ мнѣ въ молитвѣ своей». Пробудившись отъ сна, Іоаннъ увидѣлъ, что рука его дѣйствительно здорова <sup>1)</sup>. За такое исцѣленіе кто бы отъ всей искренности души не возблагодарилъ подавшую оное Царицу Небесную и не упалъ бы опять передъ Заступницею своею съ радостными слезами и благоговѣйною моquitвою? Въ память совершившагося надъ нимъ чуда, онъ привѣсилъ къ иконѣ Божіей Матери серебряное подобіе ручной кисти, иконописцы же, изображая ликъ сей чудотворной иконы, начали съ того времени приписывать и ту серебряную привѣску руки. Вотъ это самое изображеніе Божіей Матери есть какъ памятникъ исцѣленія отсѣченной по клеветѣ руки св. Іоанна Дамаскина и объясняетъ обстоятельство, почему названа икона Троеручицею.

Христолюбивые воины! Въ семъ сказаніи кто не замѣтитъ—какую гнусную роль играетъ клевета, по которой совершенно невинному человѣку причиняется такое тяжкое наказаніе. Но не бываетъ ли и въ настоящее время между людьми того, что если оклеветанныхъ не калѣчатъ по тѣлу, то подвергаютъ черезъ клевету другимъ угнетающимъ душу нравственнымъ бѣдствіямъ. Душевные страданія, причиняемыя человѣку, тоже не легкое горе. Пока оклеветанный человѣкъ оправдается, докажетъ свою правоту, возстановитъ свое честное имя, сколько приходится ему пережить душевныхъ тревогъ! Такое состояніе лишаетъ оклеветаннаго спокойствія, такъ дорогаго въ жизни нашей и составляющаго на землѣ наше счастье, а нерѣдко дово-

<sup>1)</sup> «Дни Богослуженія», Прот. Г. Дебольскаго, изд. 1887, ч. 1, ст. 193.

дить его до такого гнетущаго унынія и отчаянія, что разстраиываетъ всякое благополучіе и тѣлесное здоровье. Впрочемъ, нужно сказать, что злостная клевета не менѣе пагубна и для клеветника, рано или поздно обращается на голову его самого и подвергаетъ его суду Божію и людскому. Чтобы уяснить сказанное, остановимъ свое вниманіе на томъ, что такое клевета сама по себѣ? Клевета въ основаніи своемъ всегда лжива, «происходитъ отъ одного человѣка и переносится отъ него изъ устъ въ уста, отъ слуха до слуха, какъ черезъ свои проводники, а случается или по зависти, или по сильному подозрѣнію или по свойственной людямъ склонности ко лжи» (Терт. ч. 1, стр. 20, 21), намѣренно или по легкомыслію распространяется ко вреду другихъ и есть по существу своему величайшій грѣхъ передъ Богомъ и гнусность передъ людьми. Потому-то и въ законѣ Божіемъ говорится о клеветникахъ, что они мерзостны передъ Богомъ (Прит. 12, 22) и не наследуютъ царствія Божія, какъ творящіе неправду (1 Кор. 6—9); ибо они становятся такими же отверженцами передъ Богомъ, какъ и тотъ самый отверженецъ и врагъ Божій, отъ котораго произошла клевета. Съ клеветою въ одно время явились на свѣтъ и родственныя ей по происхожденію—зависть, злоба и неповиновеніе. Самъ сатана породилъ ихъ первыми, когда вздумалъ воспротивиться Творцу своему, позавидовать райскому счастью людей и клеветать имъ на Бога, за что съ подражателями своими и несетъ достойную кару. Злостный и уличенный клеветникъ несетъ заслуженную кару и отъ людей. Такой человѣкъ въ средѣ своей теряетъ къ себѣ всякое уваженіе, теряетъ всякую вѣру словамъ своимъ, люди опасаются его и берегутся, относятся къ нему съ презрѣніемъ и гнушаются имъ, а въ иныхъ случаяхъ клеветникъ совсѣмъ даже изгоняется изъ общества честныхъ и мирныхъ людей, ибо лучше терпѣть вора, какъ говоритъ премудрый Сирахъ, нежели безпрестаннаго лгуна—клеветника, съ которымъ безчестіе его всегда при немъ и наследіе пагуба (20, 25—26).

Судите же, какъ позорна клевета передъ Богомъ и людьми, и какъ она бываетъ бѣдственна для оклеветаннаго и самаго клеветника. О, да сохранить насъ Господь и Пречистая Его Матерь, чтобы въ жизни нашей ни самимъ не подвергаться клеветѣ, ни клеветать на другихъ и безчестить доброе имя людей! Аминь.

Священникъ В. Зѣльковскій.

Г. Кременчугъ.

## СВЯТЫЯ ИКОНЫ

въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, сооруженныя и освященныя 14-го мая 1896 года въ кр. Двинскѣ.

Въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, по иниціативѣ коменданта кр. Двинскъ, всѣ служащіе въ крѣпости, генералы, офицеры, чиновники и духовенство, единодушно на свои средства, соорудили художественно написанныя на металлѣ, въ дорогихъ кіотахъ, четыре цѣнныя иконы: Свят. Николая Чудотворца и св. Царицы Александры, св. Бл. Князя Александра Невского, св. Царя Константина и св. Архистратига Михаила, для постановки ихъ, въ день все-радостнаго торжества, въ четырехъ проѣздахъ, надъ крѣпост. воротами: Николаевскими, Александровскими, Константиновскими и Михайловскими.

14-го мая, въ высокаторжественный день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ Двинскомъ военно-крѣпостномъ соборѣ, предъ началомъ Божест. Литургіи, послѣ назидательной рѣчи о. настоятеля протоіерея Лавра Конопацкаго, въ присутствіи коменданта крѣпости, генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ, воинскихъ чиновъ крѣпостного гарнизона, дѣтей крѣпост. церковно-приходской школы и дѣтскаго пріюта и множества народа, иконы сіи были, по чиноположенію, торжественно освящены. Во время Божест. литургіи была получена комендантомъ отъ губернатора все-радостная телеграмма о благополучномъ совершеніи въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, о чемъ сейчасъ же было возвѣщено всей крѣпости тремя пушечными выстрѣлами, а телеграмма была прочитана настоятелемъ собора.

По окончаніи Божест. Литургіи и благодарственнаго Господу Богу молебствія, съ колѣнопреклоненною молитвою и многолѣтіемъ Богомъ Вѣнчанному Государю Императору Николаю Александровичу, освященныя иконы благоговѣйно были съ аналогіемъ взяты комендантомъ и генералами и, съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя» и тропарей, подъ звуки гимна музыки «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», при колокольномъ звонѣ *во-всѣ*, громѣ салютационной пальбы изъ крѣпост. орудій и при ликованіи войскъ и народа, крестнымъ ходомъ изъ собора, торжественно отнесены и водружены на твердыняхъ Двинской крѣпости *на вѣки вѣчныя*. Здѣсь предъ

каждою водруженною иконою были провозглашены ектеніи и многолѣтія Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому.

Настоящую нашу краткую замѣтку закончимъ словами рѣчи достопочтеннаго о. Лавра Конопацкаго: «Да будутъ же сіи Священныя иконы на твердыхъ Двинской крѣпости: святымъ покровомъ и щитомъ защитниковъ Вѣры, Царя и Отечества; несокрушимой твердыней и оплотомъ Церкви Православной и русской народности въ семъ краѣ; вѣковѣчнымъ памятникомъ для грядущихъ поколѣній и потомства о знаменательномъ дѣѣ Священнаго Коронованія и Миропомазанія Императора Николая II и Его Августѣйшей Супруги Императрицы Александры Феодоровны и видимыми свидѣтелями тѣхъ святыхъ чувствъ безпредѣльной любви и преданности къ обожаемымъ Царю и Царицѣ, которыми нынѣ пламенѣютъ наши и всѣ русскія сердца».

«Да будетъ безсмертенъ Ихъ Царскій Родъ,  
Да Имъ благоденствуютъ русскій народъ!»

Очевидецъ.

**Освященіе ново-сооруженныхъ при часовнѣ на Двинскомъ военно-крѣпостномъ кладбищѣ колокольни и колоколовъ.**

5-го мая сего 1896 года въ кр. Двинскѣ происходило рѣдкое духовное торжество. Въ этотъ день, послѣ божественной литургіи въ Двинскомъ военно-крѣпостномъ соборѣ, «въ вѣчную память о въ Бозѣ почившемъ Царѣ-Миротворцѣ Императорѣ Александрѣ III», настоятелемъ собора, протоіереемъ Лавромъ Конопацкимъ, въ сослуженіи всего крѣпостного и 25 пѣхот. дивизіи—духовенства, въ присутствіи коменданта крѣпости, гг. офицеровъ, воинскихъ чиновъ, дѣтей церковно-приходской школы и дѣтскаго, крѣпост. Имени Его Величества, пріюта и множества народа, на двинскомъ военно-крѣпостномъ кладбищѣ, торжественно, по чиноположенію, были освящены новосооруженные при часовнѣ колокольня и колокола. При этомъ освященіи протоіереемъ Лавромъ Конопацкимъ было сказано глубоко-прочувствованное слово <sup>1)</sup> о значеніи христіанскихъ кладбищъ и колоколовъ.

<sup>1)</sup> Представлено при рапортѣ 8 мая за № 157.

По окончаніи освященія и поднятія колоколовъ, здѣсь же, подъ открытымъ небомъ, торжественно отслужена была панихида о въ Бозѣ почившемъ Царѣ-Миротворцѣ Императорѣ Александрѣ III, и всѣхъ православныхъ воинахъ, за вѣру, царя и отечество животь свой положившихъ, и христіанахъ здѣ лежашихъ и повсюду православныхъ, съ возглашеніемъ «вѣчной памяти».

Новосооруженная колокольня деревянная, подъ желѣзной крышей, въ древнерусскомъ стилѣ, построена, изъ пожертвованнаго лѣса, усердіемъ и трудами подполковника А. В. Митрофанова и нижнихъ чиновъ Двинской крѣпостной саперной роты, цѣнность ея болѣе 600 руб.

Колокола, числомъ шесть и вѣсомъ 34 пуд., отлиты на Ярославскомъ заводѣ Оловянишникова изъ всемилостивѣйше дарованной 100 пуд. *пушечной* мѣди—бронзы, цѣнность ихъ—болѣе 600 руб. На двухъ большихъ колоколахъ рельефно отлиты образа и надписи: на первомъ—образъ Святителя Николая Чудотворца и надписи «Благовѣстуй земле радость велию, небеса повѣдаютъ Божію Славу» и «О здравіи и спасеніи Благочестивѣйшихъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны» и на второмъ—образъ Св. Бл. Князя Александра Невского и надпись—«Вѣчная память Царю - Миротворцу Императору Александру III». Съ сими колоколами заводъ Оловянишникова за излишнюю мѣдь—бронзу прислалъ наличными деньгами 400 руб., которые и записаны, какъ фондъ, на построеніе кладбищенской церкви, на приходъ. Все это сооружено и пріобрѣтенно, безъ расхода церковныхъ суммъ, ходатайствомъ, стараніемъ и заботами настоятеля крѣпостного собора, протоіерея Лавра Конопцакаго.

Да будутъ же сіи новосооруженные и освященные на Двинскомъ военно-крѣпостномъ кладбищѣ колокольня и колокола вѣковѣчными памятниками, для грядущихъ поколѣній, «о въ Бозѣ почившемъ Царѣ-Миротворцѣ Императорѣ Александрѣ III».

**Очевидецъ.**

## Закладка полкового храма въ Гори.

23 апрѣля въ день тезоименитства Государыни Императрицы въ штабъ-квартирѣ горійскаго пѣхотнаго полка была совершена торжественная закладка полкового храма въ честь святителя Николая Мирликійскаго. Обрядъ закладки совершалъ соборный протоіерей о. Григорій Гамбаровъ въ сослуженіи священниковъ, полкового о. Николая Натидзе и о. Хаханова. Передъ началомъ молебствія о здравіи Государыни Императрицы и обряда закладки отцомъ Николаемъ было произнесено прочувствованное слово на тему, что пусть предполагаемый къ возведенію храмъ послужитъ однимъ изъ тѣхъ камней, на кои такъ прочно опирается то обширное зданіе, которое называется Россіей. Слово это произвело глубокое впечатлѣніе на слушателей и еще болѣе украсило безъ того торжественный день въ жизни славнаго горійскаго полка. Погода въ этотъ день стояла хорошая и масса народу собралась на мѣсто закладки, чтобы вмѣстѣ съ горійскимъ полкомъ вознести Господу моленія свои о благополучномъ окончаніи начинаемаго храма. По окончаніи закладки и парада любезными офицерами горійскаго полка присутствовавшимъ былъ предложенъ роскошный завтракъ въ ихъ собраніи. Горячіе, покрытые несмолкаемымъ «ура» тосты за Государя Императора, Государыню Императрицу, Вдовствующую Государыню, бывшаго и горячо любимаго командующаго войсками кавказской арміи Великаго Князя Михаила Николаевича, нынѣ командующаго генераль-адъютанта С. А. Шереметева, его помощника графа И. Д. Татищева, а также и Протопресвитера нашей арміи послужили окончаніемъ этого по-истиннѣ задушевнаго торжества. Здѣсь же въ собраніи находился и проектъ возводимаго храма, проектированнаго въ русскомъ стилѣ архитекторомъ Татишевымъ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Газета «Кавказъ». № 111, отъ 27 апрѣля 1896 г.

Изъ воспоминаній бывшаго воспитанника Армейской духовной семинаріи.

Въ 1894-мъ году журналомъ «Кіевская Старина» отдѣльною книгою изданы въ свѣтъ «Воспоминанія Іосифа Акимовича Самчевскаго съ 1800 года по 1886 годъ», въ высшей степени интересныя для всякаго читателя, и особенно для духовенства военнаго, такъ какъ авторъ воспоминаній былъ сынъ полкового священника, смертельно раненаго въ 1813 году въ одномъ изъ сраженій съ Французами въ Германіи <sup>1)</sup>. Первоначальное образованіе Іосифъ А. Самчевскій получилъ въ забытой теперь всѣми Армейской семинаріи, а съ закрытіемъ ея въ Невской (Петербургской) семинаріи и закончилъ его со степенью магистра богословія въ С.-Петербургской дух. Академіи, куда былъ назначенъ высокопреосвященнымъ Филаретомъ, ревизовавшимъ въ санѣ тверскаго Архіепископа Невскую семинарію. То было время (1819—1823 г.) блестящее для Петербургской духовной Академіи: ректоромъ ея былъ епископъ *Григорій Постниковъ*, въ послѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій, а профессорами знамениты Герасимъ Петровичъ Павскій, Акимъ Семеновичъ Кочетовъ, Іоаннъ Доброзраковъ, въ послѣдствіи архіепископъ Новочеркасскій, бакалавръ Оржевскій, а изъ товарищей по курсу І. А. Самчевскаго Арсеній, митрополитъ Кіевскій, протопресвитеръ и духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ — Василій Борисовичъ Баженовъ, Θεодосій и многіе другіе. Въ Армейской семинаріи І. А. Самчевскій слушалъ лекціи даровитаго профессора, протоіерея Мансвѣтова, въ послѣдствіи оберъ-священника арміи и флотовъ, и пользовался особымъ расположеніемъ еще болѣе извѣстнаго оберъ-священника Державина. Воспоминанія о всѣхъ этихъ замѣчательныхъ личностяхъ, о состояніи армейской и невской семинарій и петербургской академіи за то, уже отдаленное отъ нихъ время, равно какъ о выдающихся общественныхъ событіяхъ въ концѣ царствованія Императора Александра I и въ началѣ Николая I по мѣстамъ представляютъ собою высокій интересъ. По выходѣ изъ Академіи, І. А. Самчевскій былъ профессоромъ Черниговской духовной

<sup>1)</sup> Другой сынъ доблестнаго полкового пастыря, отца Іоакима Самчевскаго, Протоіерей Преображенскаго всей гвардіи собора, Николай Акимовичъ Самчевскій за военные подвиги въ 1829 году имѣлъ золотой крестъ на георгіевской лентѣ, скончался отъ воспаленія легкихъ въ 1877 г.

семинаріи, учителемъ и инспекторомъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи и закончилъ свою долготѣтную жизнь въ отставкѣ, проживая одинокимъ въ собственномъ домѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Черниговской губерніи. Два сына его Иванъ и Михаилъ, особенно первый, были извѣстными педагогами въ Кіевской гимназіи и умерли раньше своего отца, давно уже овдовѣвшаго. Составитель настоящей статьи приходится по женѣ роднымъ племянникомъ автора воспоминаній и съ удовольствіемъ посвящаетъ эти строки дорогой его памяти.

Заимствуемъ изъ воспоминаній нѣкоторые, наиболѣе заинтересовавшіе насъ рассказы со словъ самаго автора. «Отецъ мой Іоакимъ Θεодоровичъ Самчевскій былъ уроженецъ Черниговской губерніи, Конотопскаго уѣзда; обучался въ бывшей Новгородъ-Сѣверской семинаріи, отлично зналъ латинскій языкъ, на которомъ свободно говорилъ и хорошо писалъ стихи. По окончаніи курса философій онъ поступилъ на службу въ духовную Новгородъ-Сѣверскую дикастерію, гдѣ получилъ два первые чина, но затѣмъ сдѣланъ былъ сперва сельскимъ, а потомъ полковымъ священникомъ. Я родился въ 1799 году мальчикомъ слабымъ и своимъ непрестаннымъ плачемъ сокрушалъ моихъ родителей». Въ младенчествѣ Іосифъ Акимовичъ едва не лишился жизни по слѣдующему случаю: «въ день похоронъ моего дѣда, пишетъ І. Ак., мать моя въ хлопотахъ оставила меня одного въ комнатѣ на кровати; вернувшись изъ кухни въ домъ и не слыша моего крика, она пришла въ мою комнату и что же увидѣла? На кровати, гдѣ я лежалъ, наброшены были шубы пріѣхавшими на похороны священниками. Когда шубы были сняты, мать увидѣла меня посинѣвшимъ и едва могла привести меня въ чувство. И такъ, вскорѣ послѣ явленія своего на свѣтъ Божій, мнѣ угрожала смерть, но Богу угодно было спасти меня отъ нея и при слабости моемъ сложеніи продлить вѣкъ мой до глубокой старости»<sup>1)</sup>.

О своемъ первоначальномъ образованіи въ родительскомъ домѣ Іосифъ Акимовичъ сообщаетъ такъ: «когда я сталъ подростать, отецъ мой самъ началъ учить меня грамотѣ по русски, по-латыни и пѣнію, къ которому видѣлъ во мнѣ способность. Учился я успѣшно, хотя иногда полѣнивался и пошаливалъ. Отецъ былъ строгъ и взыскателенъ ко мнѣ. Въ чтеніи и пѣніи успѣхи мои были довольно быстры. Отецъ заставлялъ меня читать и

<sup>1)</sup> Іосифъ Акимовичъ Самчевскій скончался на 88-мъ году отъ рожденія.

пѣть на клиросѣ нашей сельской церкви вмѣстѣ съ дьячкомъ, и когда гулялъ со мною по селу или въ полѣ, всегда пѣлъ со мною богослужебныя пѣсни».

Между тѣмъ наступило время отдать мальчика въ школу, а такъ какъ сельскій приходъ о. Іоакима былъ очень бѣднымъ, то по просьбѣ своей онъ былъ зачисленъ въ 23-й Егерскій полкъ полковымъ священникомъ. Егерскій полкъ въ то время находился въ Петербургѣ, на походѣ въ Финляндію. О. Іоакимъ рѣшился взять съ собою въ Петербургъ сына Іосифа, чтобы опредѣлить его въ семинарію, въ которой воспитывались дѣти полковыхъ священниковъ. По словамъ Іосифа Акимовича «Армейская семинарія учреждена Императоромъ Павломъ Петровичемъ. Домъ для семинаріи сперва находился на Васильевскомъ островѣ, въ 13-й линіи, противъ морского кадетскаго корпуса. Императоръ Павелъ, при учрежденіи семинаріи, повелѣлъ отдать въ церковь ея, отъ Двора, богатую мальтійскую ризницу, изъ серебряной бѣлой парчи съ малиновыми на ней крестами; онъ же прислалъ въ семинарію и свой прекрасный тканый портретъ въ богатой рамѣ. Первымъ главнымъ начальникомъ армейской семинаріи былъ любимецъ Императора Павла, протопресвитеръ Павелъ Яковлевичъ Озерецковскій. Говорили, что Императоръ Павелъ, думавшій учредить въ Россіи бѣлыхъ архіереевъ, тайно пожаловалъ Озерецковскому архіерейскую мантию, которою, по смерти Озерецковскаго, обить былъ его гробъ».

Въ маѣ 1809 года о. Іоакимъ прибылъ съ сыномъ въ Петербургъ и на другой же день пошелъ съ нимъ къ оберъ-священнику арміи и флота, протопресвитеру Ивану Семеновичу Державину, члену Свят. Синода и Комиссіи духовныхъ училищъ, имѣвшему митру и орденъ св. Анны 1-й степени. Протопресвитеръ приказалъ отцу Самчевскому немедленно догонять полкъ, уже ушедшій въ Финляндію, а сына его Іосифа на казенный счетъ принялъ въ армейскую семинарію, гдѣ ректоромъ въ то время былъ протоіерей Громовъ. Простившись съ отцемъ, десятилѣтній Іосифъ Самчевскій отправился въ семинарію и вотъ въ какихъ словахъ онъ описываетъ свои первыя впечатлѣнія въ этомъ учебномъ заведеніи: «по приходѣ моемъ въ семинарію, товарищи по классу окружили меня, но я дичился ихъ, уходилъ въ какое нибудь уединенное мѣсто и тамъ обливался слезами, какъ бы находя въ нихъ утѣшеніе. Къ увеличенію подавляющаго меня горя новыя товарищи преслѣдовали меня насмѣшками надъ моею плаксивостію и надъ

моимъ малороссійскимъ нарѣчіемъ. На испытаніи въ первомъ классѣ я оказался на столько подготовленнымъ, что опередилъ въ предметахъ моихъ соучениковъ; я бойко читалъ и писалъ по русски и по-латыни, и потому учитель нашъ Поляковъ обратилъ на меня особое вниманіе и сдѣлалъ меня аудиторомъ, что заставило моихъ товарищей прекратить насмѣшки. Въ числѣ товарищей былъ еще одинъ, не задолго до меня поступившій малороссіанинъ, Трачевскій <sup>1)</sup>, съ которымъ на первыхъ порахъ мнѣ пришлось подражаться; оба мы явились къ комнатному нашему старшему съ жалобами и обоихъ насъ поставили на колѣни. Ученики высшихъ классовъ водили меня по своимъ комнатамъ и, къ моей досадѣ, заставляли повторять исторію моей драки, потѣшаясь моимъ рассказомъ. Трачевскій, говорилъ я, называлъ мене *Самча*, а я его *Трача*; винъ мене вдарывъ по пыци, а я его въ морду». О внутренней жизни и порядкахъ въ семинаріи Самчевскій говоритъ слѣдующее: «во время первыхъ трехъ лѣтъ обученія моего въ армейской семинаріи розга еще сильно въ ней господствовала. Сѣкли въ низшихъ классахъ учителя и комнатные старшіе; сѣкли и въ высшихъ классахъ, иногда даже учениковъ богословія по распоряженію и въ присутствіи самого ректора. И гдѣ же ихъ сѣкли? въ столовой, во время обѣда, въ присутствіи всѣхъ учениковъ семинаріи! Эти экзекуціи приводили насъ малолѣтнихъ въ ужасъ и трепетъ. Надобно сказать правду, что и ученики съ своей стороны въ тогдашнее время дѣлали проказы, достойныя строгаго наказанія. Такъ, напримѣръ, ученикъ 3-го класса, Чернышевъ, дѣлтяй, участникъ въ кулачныхъ бояхъ, дерзкій и на все отважный, вышедши однажды съ товарищами своими послѣ ужина во дворъ и увидѣвъ въ квартирѣ ректора жену его, сидѣвшую у окна, сказалъ товарищамъ: хотите, братцы, я пушу въ нее камнемъ? И когда они сказали, что онъ этого не сдѣлаетъ, онъ, дѣйствительно, бросилъ въ окно камень, который, можетъ быть, попалъ въ сидѣвшую. На другой день его жестоко высѣкли въ столовой. Другой случай былъ поважнѣе. Я былъ въ больницѣ. Когда ученики поужинали, послышался продолжительный звонъ класснаго колокольчика; этотъ не обыкновенный по времени звонъ заставилъ больничнаго смотрителя выбѣжать во дворъ, и онъ, возвратившись, сказалъ, что ученики старшихъ классовъ бьютъ ректора, вышедшаго съ ними изъ столовой, а другіе въ это время звонятъ. Ректоръ Громовъ на

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи настоятель Кронштадтскаго Андреевскаго собора, скончавшійся въ прошломъ году по выходѣ въ отставку.

другой день донесъ о произшедшемъ оберъ-священнику, и послѣдній, пріѣхавъ въ семинарію, велѣлъ собрать всѣхъ старшихъ учениковъ и, послѣ распросовъ, приказалъ сѣчь виновныхъ. Лучшій ученикъ богословія Аеиминскій наказанъ былъ такъ больно, что его на рукахъ принесли въ больницу. Онъ, по окончаніи курса, сдѣлавшись полковымъ священникомъ, чѣмъ то отличился во время сраженій въ отечественную войну и возвратился послѣ нея съ орденомъ св. Анны 2-й стпени, явился къ оберъ-священнику Державину и благодарилъ его за сдѣланное ему въ семинаріи примѣрное правоученіе. Послѣ трехъ лѣтъ моего нахожденія въ семинаріи подобные поступки прекратились и болѣе не возобновлялись: посмирнѣли ли ученики послѣ наказаній, пришли ли начальники и учителя къ сознанію непригодности подобныхъ наказаній, произошла ли такая перемѣна къ лучшему отъ перемѣщенія армейской семинаріи съ Васильевского острова въ 3 роту Измайловскаго полка, въ болѣе обширный домъ, въ которомъ отведена была квартира и оберъ-священнику,—неизвѣстно. Можетъ быть причиною тому и самое время, котораго обстоятельства укротили учащихъ и учащихся въ семинаріи. Насталъ 1812-й годъ».

Въ высокой степени интересны воспоминанія Іосифа Акимовича о тѣхъ чувствахъ и душевныхъ волненіяхъ, какія переживалъ Петербургъ въ достопамятномъ 1812-мъ году. «Живо помню я, пишетъ І. Ак., этотъ годъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія произвели на меня происшествія этого времени и все то, что я собственными глазами видѣлъ, или слышалъ отъ другихъ. Помню я ту страшную комету, которая своимъ огромнымъ ядромъ и длиннымъ раздвоеннымъ хвостомъ пугала насъ—дѣтей, появляясь въ сумерки въ теченіе долгаго времени на петербургскомъ горизонтѣ. Помню, какъ приходившіе тогда въ нашу семинарію военные и гражданскіе чиновники поражали нашъ слухъ, называя неповиннаго Сперанскаго измѣнникомъ и предателемъ. Помню то смятеніе петербургскихъ жителей, когда они слышали о занятіи Москвы французами; помню потрясающее зрѣлище, когда бѣжавшіе изъ Москвы жители въ экипажахъ и на повозкахъ мимо нашей семинаріи въѣзжали въ Петербургъ при плачѣ женщинъ и дѣтей; помню, какъ во многихъ пунктахъ города происходили наборы рекрутъ и ополченцевъ, при прощальномъ рыданіи оставляемыхъ ими семействъ; помню, какъ устранные обитатели Петербурга выносили изъ домовъ своихъ шкафы, комоды, сундуки и прочее имущество, препровождая ихъ на баркахъ въ Кронштадтъ, Або и другіе города Имперіи; помню, какъ пустѣлъ нашъ Петербургъ,

какъ рѣдко показывались на улицахъ кареты и какъ, по отбытіи Государя къ арміи, оставшіяся въ городѣ Императрицы Марія Ѳеодоровна и Елисавета Алексѣевна пріѣзжали молиться въ Казанскій соборъ и со слезами на глазахъ кланялись толпившемуся около нихъ народу, который и самъ плакалъ. Это собраніе называли тогда парадомъ; гвардейцевъ въ столицѣ уже не оставалось, дворецъ охраняли гарнизонные солдаты въ своихъ сѣрыхъ мундирахъ. Уныніе было всеобщее. Радостная вѣсть о Тарутинской побѣдѣ и о выходѣ французовъ изъ Москвы ободрила Петербургскихъ жителей. Помню, наконецъ, и то, какъ зимою вели мимо нашей семинаріи плѣнныхъ непріятелей, худо одѣтыхъ и коченѣвшихъ отъ мороза, который такъ былъ силенъ, что изъ лѣтняго сада возами вывозили замершихъ воронъ. Жители съ сожалѣніемъ смотрѣли на плѣнныхъ, дарили ихъ одеждой и деньгами. Вѣсть о смерти князя Кутузова снова поразила Петербургъ уныніемъ. Плакали объ этомъ спасителѣ отечества всѣ, плакали о немъ и мы, дѣти, думая, что безъ него уже некому будетъ поражать нашихъ враговъ, и что Наполеонъ снова вернется въ Россію и овладѣетъ Петербургомъ. Новыя побѣды и занятіе Парижа нашими войсками совершенно успокоили жителей столицы. Съ большимъ интересомъ читается подробный разсказъ Іосифа Акимовича о необычайно-торжественномъ погребеніи въ Казанскомъ соборѣ доблестнаго вождя русской арміи, князя Кутузова, свидѣтелемъ и очевидцемъ котораго былъ самъ разсказчикъ, учившійся въ то время въ армейской семинаріи и состоявшій въ числѣ пѣвчихъ семинарскаго хора, которымъ всецѣло располагалъ тогда оберъ-священникъ И. С. Державинъ. Приведемъ его собственныя слова: «по полученіи извѣстія о смерти Кутузова, повѣствуетъ І. Ак., во всѣхъ церквяхъ Петербурга начали читать псалтырь, а въ Казанскомъ соборѣ, подъ куполомъ, устроена была огромная арка, на поверхности которой живописью изображены были его побѣды. Я самъ видѣлъ погребеніе Кутузова и самъ былъ участникомъ въ погребальной церемоніи. Когда тѣло его было привезено въ Сергіевскую пустынь, оберъ-священникъ Державинъ съ хоромъ своимъ долженъ былъ сопровождать тѣло покойнаго героя отъ пустыни въ Петербургъ. Наканунѣ того дня, въ маѣ мѣсяцѣ нашъ хоръ пѣшкомъ отправился по Петергофскому тракту и достигъ пустыни уже ночью. Въ Сергіевской церкви мы увидѣли на черномъ катафалкѣ большой гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ золотыми позументами, а надъ нимъ такой же балдахинъ съ золотыми кистями. Его окружали армейскіе солдаты съ ружьями. Вынось

начался поутру, часовъ въ 8, послѣ литіи. Гробъ съ балдахиномъ поставленъ на высокую колесницу, запряженную 8-ю лошадьми въ черныхъ покрывалахъ; въ такихъ же траурныхъ плащахъ шли слуги съ факелами, позади вели лошадь покойнаго, а по сторонамъ гроба военные несли на бархатныхъ подушкахъ всѣ ордена князя. Впереди шло духовенство съ архіереемъ во главѣ и хоръ пѣвчихъ, которые на пути слѣдованія попеременно шли и садились для отдыха въ кареты; такимъ же образомъ перемѣнялись между собою въ шествіи архіерей и оберъ-священникъ. Погребальный кортежъ, сопровождаемый множествомъ стекшагося народа, такъ былъ длиненъ, что, когда бывало выскочишь изъ рядовъ хора, чтобы взглянуть на него, то на весьма далекомъ разстояніи видишь только одинъ верхъ балдахина съ княжескою на немъ короною и съ зыблющимися по четыремъ угламъ его страусовыми перьями. Путь, по которому тянулось шествіе до Петербурга, былъ усыпанъ ельникомъ на протяженіи 16-ти верстъ. Когда кортежъ приблизился къ триумфальнымъ воротамъ, митрополитъ Амвросій со всѣмъ столичнымъ духовенствомъ, въ присутствіи великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, при множествѣ собравшагося народа, встрѣтилъ его. По данному знаку мгновенно отпряжены были лошади отъ погребальной колесницы, и жители Петербурга на себѣ повезли ее, наперерывъ смѣняя другъ друга. Во время шествія улицы Петербурга были буквально запружены народомъ, въ окнахъ и на крыльцахъ всѣхъ домовъ видны были зрители. Когда погребальную колесницу подвезли къ Казанскому собору, военные чины сняли съ ней гробъ, внесли внутрь храма и поставили подъ арку, устроенную подъ куполомъ. Посредствомъ какого то механизма, скрытаго въ бокахъ арки, гробъ, какъ будто самъ собою, сталъ подниматься и, когда прошелъ въ верхнее отверстіе арки, доски тѣмъ же механизмомъ задвинули отверстіе, и на нихъ гробъ сталъ; надъ нимъ преклонились знамена и спустился съ купола восковой архангелъ Михаилъ съ лавровымъ вѣнцомъ въ рукѣ. По совершеніи краткой литіи, четыре кавалергарда, съ касками на головахъ и съ обнаженными саблями взшли на платформу арки и стали по четыремъ угламъ гроба. Псаломщикъ сталъ читать псалтырь, всѣ присутствующіе начали расходиться, съ ними ушелъ и нашъ хоръ. На третій день совершенно было въ Казанскомъ соборѣ и самое погребеніе».

Объ армейской семинаріи, гдѣ воспитывался Іосифъ Акимовичъ Самчевскій, сколько намъ извѣстно, не сохранилось никакихъ печатныхъ извѣстій, а между тѣмъ для исторіи военнаго духовенства учрежденіе это имѣетъ

особенную важность, какъ единственное мѣсто подготовки образованныхъ военныхъ пастырей, кромѣ переходившихъ въ войска изъ епархіальныхъ вѣдомствъ, въ началѣ текущаго вѣка. Тѣмъ цѣннѣе для насъ тѣ свѣдѣнія, какія сообщаетъ о ней Іосифъ Акимовичъ въ своихъ «воспоминаніяхъ». По этому считаю нужнымъ подѣлиться этими свѣдѣніями со своими сослуживцами по военному вѣдомству. «Въ 1815 году, пишетъ І. А. Самчевскій, я поступилъ въ риторическій классъ (армейской семинаріи)<sup>1)</sup>. Въ это время я узналъ о смерти своего отца, который еще въ 1813 году, въ одномъ изъ сраженій въ Германіи былъ раненъ осколкомъ ядра въ бокъ и скоро умеръ. Уже по смерти его ему вышла награда—золотой крестъ. Матери моей назначена пенсія въ 100 руб. Время и классныя занятія облегчали мою скорбь, а милость Божія послала мнѣ тогда благотворителей, которые своимъ отеческимъ ко мнѣ благорасположеніемъ облегчали мое сиротство и самый ходъ моего ученія. Благотворители эти были инспекторъ семинаріи, Яковъ Васильевичъ Орловъ и учитель славесности — священникъ Мансвѣтовъ. Риторическіе уроки меня не затрудняли. Орловъ, занимая въ семинаріи нашей должность инспектора и преподавателя исторіи, въ то же время читалъ лекціи и въ Петербургской Академіи для воспитанниковъ перваго ея выпуска. Будучи слишкомъ занятъ своими сочиненіями и отлучками въ Академію, онъ часто призывалъ меня къ себѣ и давалъ свои академическія лекціи для того, чтобы я, по его наставленію, сокращалъ ихъ и въ сокращенномъ уже видѣ передавалъ товарищамъ моимъ. Поэтому я много читалъ и полюбилъ исторію, что было мнѣ полезно и въ академіи. По рекомендаціи Орлова я приглашенъ былъ на вакаціонное время конно-гвардейскимъ священникомъ Петровымъ готовить сына его къ поступленію въ семинарію. Петровъ давалъ мнѣ читать бывшія въ печати сочиненія Карамзина, которыя я читалъ съ увлеченіемъ. Такимъ образомъ я проводилъ время у Петрова съ пользою для себя и съ удовольствіемъ.

Другой мой доброжелатель (изъ учителей армейской семинаріи) Мансвѣтовъ, съ отличнымъ успѣхомъ обучившійся въ Петербургской Академіи, еще до ея преобразованія, бывший потомъ превосходнымъ учителемъ въ Ярославской семинаріи и выбывшій изъ нея вслѣдствіе непріятности съ

<sup>1)</sup> При армейской семинаріи существовали низшіе классы, соответствующіе нынѣшнимъ «духовнымъ училищамъ», въ которыхъ Іосифъ Акимовичъ пробылъ около 4-хъ лѣтъ.

мѣстнымъ преосвященнымъ, поступилъ священникомъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ, въ которомъ приобрѣлъ извѣстность своими поученіями воинамъ. Оберъ-священникъ вызвалъ его въ армейскую семинарію на кафедру русской словесности и греческаго языка. Разумное преподаваніе приобрѣло ему общее уваженіе учащихся. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали его лекціи, особенно когда онъ въ собраніи трехъ высшихъ классовъ читалъ и разбиралъ рѣчи Цицерона, сочиненія Державина и проповѣди Филарета, входившія тогда въ славу. Мы, ученики риторики, не могли еще усвоить себѣ этихъ лекцій, но я хорошо пойню, какъ онъ, превознося Филарета, говорилъ, что никто еще изъ духовныхъ писателей, до него бывшихъ, не пользовался также хорошо герменевтикою, и никто не объяснялъ Священнаго Писанія такъ вразумительно. Въ нашемъ риторическомъ классѣ онъ занимался болѣе практически: читалъ намъ образцовыя по словесности сочиненія, объясняя ихъ, часто заставлялъ насъ и самихъ сочинять, исправлять эти сочиненія, предлагая по нѣсколько разъ передѣлывать ихъ. Онъ преподавалъ намъ также поэзію и училъ писать стихи. Когда сообщены были намъ правила всѣхъ родовъ сочиненій, Мансвѣтовъ посовѣтовалъ мнѣ написать оду на Рождество Христово для поднесенія черниговскому архіепископу Михаилу, присутствовавшему тогда въ Синодѣ и знавшему моего отца по епархіи. Я ее написалъ, а Мансвѣтовъ поправилъ. Въ первый день праздника я предсталъ предъ владыкой съ моимъ произведеніемъ и получилъ отъ него въ награду 25 рублей ассигнаціями.

При окончаніи нами риторическаго курса отъ Комиссіи духовныхъ училищъ назначенъ былъ ревизоромъ нашей семинаріи извѣстный тогда ученою архимандритъ Иннокентій, ректоръ Петербургской семинаріи, докторъ богословія. Мы ревностно и съ нѣкоторымъ страхомъ готовились къ экзамену. Иннокентій вмѣстѣ съ оберъ-священникомъ Державинымъ пришелъ въ нашу залу, гдѣ собраны были ученики трехъ классовъ семинаріи, которыхъ число, считая въ немъ и учениковъ уѣзднаго училища, называвшихся тогда семинаристами, было не болѣе 70-ти человекъ. Иннокентій началъ испытанія съ богословскаго класса, въ которомъ, за выбытіемъ нѣсколькихъ человекъ въ военную службу, было только два, а ученикамъ философіи и риторики назначилъ писать сочиненія. Намъ (риторамъ) далъ тему «De praestantia Citterarum». Преподаватель богословія, магистръ Маловъ, отличался своего бойкостью, спрашивая учениковъ и отвѣчая иногда за нихъ предъ ревизоромъ.

Когда очередь дошла до насъ, Мансвѣтовъ представилъ Иннокентію написанныя на заданныя темы наши сочиненія и много другихъ классныхъ нашихъ разсужденій. Иннокентій, кончивъ ревизію, просилъ оберъ-священника представить Мансвѣтова къ наградѣ. Послѣ экзамена я, въ числѣ прочихъ товарищей, былъ переведенъ въ классъ философіи, а нѣкоторые изъ нихъ, уже великовозрастные, остались въ томъ же классѣ. Философію намъ преподавалъ Суворовъ, студентъ, обучавшійся въ Академіи съ первымъ выпускомъ, но не получившій академической степени. Вѣроятно, въ то время не было еще достаточнаго числа магистровъ и кандидатовъ для всѣхъ семинарій. О достоинствѣ преподаванія Суворова мы еще судить не могли. Въ это время я училъ маленькихъ дѣтей оберъ-священника Державина, который съ этого времени сталъ еще болѣе благоволить ко мнѣ.

Армейская дух. семинарія существовала недолго. Основанная въ началѣ царствованія Императора Павла Петровича, въ самыхъ послѣднихъ годахъ прошлаго вѣка, она въ 1818 году была закрыта. Авторъ «воспоминаній» не говоритъ о причинахъ закрытія семинаріи исключительно для дѣтей военнаго духовенства; но можно думать, что на такую мѣру рѣшилось правительство вслѣдствіе малочисленности ея воспитанниковъ. Въ войска арміи въ то время поступали священники большею частію изъ епархіальнаго вѣдомства; всѣхъ учениковъ семинаріи, какъ видно изъ «воспоминаній» было не болѣе 70 человекъ, а въ богословскомъ классѣ оканчивали курсъ только два человека.

Между тѣмъ на содержаніе армейской семинаріи требовались значительныя суммы изъ Св. Синода.

Вѣроятно, по этой причинѣ Св. Синодъ положилъ: армейскую семинарію, по малочисленности ея, закрыть, а воспитанниковъ ея разослать по тѣмъ епархіямъ, изъ которыхъ они происходили; отпускаемую на семинарію сумму ежегодно разсылать для содержанія армейскихъ воспитанниковъ въ мѣстныхъ семинаріяхъ. Для окончанія образованія І. А. Самчевскій былъ назначенъ въ С.-Петербургскую Александро Невскую семинарію, которую не долюбливали армейскіе воспитанники, и въ свою очередь не были любимы ея воспитанниками—аборигенами.

Невскіе семинаристы, говоритъ І. А., называли насъ солдатами, а мы ихъ *пучками*, потому что они не задолго до окончанія курса отращивали у себя и заплетали косы.

Горько разставались армейскіе воспитанники со своею alma mater.

«Когда мы, пишетъ І. А. Самчевскій, въ числѣ 16 душъ собрались на дворѣ, оберъ-священникъ, съ грустнымъ видомъ, изъ окна благословилъ насъ, — и повели насъ плачущихъ, за обозомъ нашимъ, въ плѣненіе вавилонское, какъ мы тогда называли свое несчастное перемѣщеніе въ невскую семинарію. Содержаніе воспитанниковъ въ невской семинаріи оказалось насравненно хуже, чѣмъ въ семинаріи армейской: опищѣ и говорить нечего, — она была гораздо скуднѣе нашей. Не даромъ прежде знакомые намъ *пучки* по праздникамъ приходили къ намъ въ армейскую нашу столовую лакомиться нашими пирогами, которыхъ у нихъ вовсе не бывало. И одежда была хуже нашей: это были куртка и панталовы, пошитыя изъ такого толстаго и грубаго сукна, которое было хуже всякаго солдатскаго. Я этого платья со всѣмъ не надѣвалъ и продалъ его за безцѣнокъ, благо у меня оставалась цѣлою одежда армейской семинаріи». Въ Невской семинаріи Самчевскій по успѣхамъ и поведенію вскорѣ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, пользовался особеннымъ расположеніемъ инспектора, архимандрита Поликарпа, назначенъ былъ старшимъ комнатнымъ надзирателемъ и изъ философскаго класса, не проходя богословія, по распоряженію ревизора, архіепископа Филарета, впослѣдствіи знаменитаго митрополита московскаго, принять на казен. содержаніе въ составъ V-го курса С.-Петерб. духовной Академіи. Воспоминанія Іосифа Акимовича объ академическомъ періодѣ своей жизни въ живыхъ краскахъ рисуютъ намъ дорогую alma mater за 70 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, когда богословскія и другія науки только что нарождались у насъ, когда жили и дѣйствовали давно уже сошедшіе въ могилу представители духовнаго образованія, о которыхъ мы воспоминаемъ теперь съ благогов. уваженіемъ, и когда порядки академическаго быта были совсѣмъ не тѣ, какіе видимъ въ наши дни. Филаретъ (впослѣдствіи московскій митрополитъ) и Иннокентій, его другъ, умершій епископомъ Пензенскимъ, Григорій, занимавшій въ 1857 г. кафедру Петербургской митрополіи, Павскій и Кочетовъ, Смарагдъ и Игнатій, извѣстные потомъ архіепископы, и многіе другіе наши ученые святители, какъ живые, предстаютъ при чтеніи и воспоминаніи Самчевскаго. Иннокентій, какъ и Филаретъ, читаемъ мы въ запискахъ І. А. Самчевскаго, получилъ образованіе въ Московской Троицкой семинаріи, а можетъ быть, былъ и соученикомъ его. Какъ и Филаретъ, онъ былъ любимцемъ митрополита Платона, который вслѣдъ за Филаретомъ вытребовалъ его въ Петербургъ для занятія должности бакалавра въ 1-мъ курсѣ нашей академіи. Скоро Иннокентій въ званіи доктора богословія сдѣланъ былъ ректоромъ

Невской семинаріи. Богословіе онъ преподавалъ, какъ говорили въ то время, съ великою ученостью и имѣлъ громадное вліяніе на учащихся. Я не имѣлъ счастья слушать его, но два армейскіе ученика, бывшіе тогда въ богословіи, говорили мнѣ, что ученики съ благоговѣніемъ слушаютъ его лекціи и наставленія о пастырскомъ поведеніи, а иногда плакали, слушая его благочестивыя и пламенные рѣчи. Во то время въ Петербургѣ сильно распространилось масонство; директоры масонскихъ ложъ, особенно Лабзинъ, своими мистическими ученіями наносили раны Церкви.

Нѣкто Станевичъ написалъ прекрасную книгу противъ масонства подъ заглавіемъ: «Плачь матери на гробѣ младенца». Ректоръ Иннокентій, будучи цензоромъ духовныхъ книгъ, съ горячимъ сочувствіемъ читалъ и одобрилъ книгу къ печатанію, не обративъ вниманія на одну въ ней выноску въ которой говорилось, что какая то масонская книга напечатана съ соизволенія правительства. Массоны ухватились за эту выноску и довели до слуха Государя, будто бы сочиненіе Станевича написано въ укоризну Его Величества. Государь повелѣлъ книгу Станевича запретить, цензора Иннокентія въ наказаніе поставить епископомъ въ Уфимскую епархію, что равносильно было ссылкѣ, но, по ходатайству оберъ-прокурора Св. Синода князя Мещерскаго и предствательству Императрицы Маріи Ѳеодоровны, вмѣсто Уфы Иннокентію назначена была Пенза. Когда Иннокентій выѣзжалъ изъ Петербурга, ученики семинаріи и множество постороннихъ лицъ толпились на лаврскомъ дворѣ. Иннокентій, обходя церкви для прощальнаго поклоненія Святынямъ, благословлялъ семинаристовъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ самыя кельи его, раздавалъ имъ свои печатныя проповѣди, книги и со слезами говорилъ: учитесь, дѣти! вотъ я былъ такой же, какъ и вы, а теперь архіерей. Зимній возокъ уже былъ поданъ. Иннокентій вышелъ въ нагольномъ тулупѣ, который князь Мещерскій снялъ и падѣлъ на него свою енотовую шубу. Извѣстный архимандритъ Фотій <sup>1)</sup>, прощаясь съ Иннокентіемъ, рыдалъ и называлъ его столпомъ православія». Объ этомъ Иннокентіѣ Самчевскій сообщаетъ слѣдующій безынтересный фактъ: когда Филаретъ, будущій святитель московскій, былъ еще ректоромъ Петербургской академіи, а Иннокентій ректорствовалъ въ семинаріи, митрополитъ Амвросій любилъ обоихъ ихъ и восхищался ихъ ученостью при богословскихъ диспутахъ. Однажды на экзаменѣ въ академіи, когда ассистентомъ былъ

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи пастырь новгор. Юрьева монастыря.

Иннокентій, шла рѣчь о недостаточности естественной религіи, Амвросій возразилъ, что она совершенно достаточна, и велѣлъ Иннокентію поддерживать это воззрѣніе; послѣдній, искусный въ діалектикѣ, сталъ оправдывать мнѣніе митрополита. Еще болѣе ученый Филаретъ съ горячностью опровергъ всѣ приведенные аргументы. Видя свое пораженіе, Иннокентій спросилъ: да что же такое естественная религія? Филаретъ, всегда сдержанный, съ улыбкою отвѣчалъ: вотъ прекрасно! Мы такъ долго споримъ, не зная о чемъ; вы, какъ оппонентъ, съ самаго начала диспута должны были знать опредѣленіе предмета, о которомъ споримъ. Митрополитъ улыбнулся и тѣмъ диступъ закончился.

*(Продолженіе будетъ).*

### Торжественная встрѣча иконы Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца въ крѣпости Ковнѣ.

12-е мая 1896 г. для обывателей крѣпости Ковны и всего города день великій и священный, день приснопамятный и историческій, совпавшій на сей разъ съ церковнымъ праздникомъ Св. Троицы. Въ этотъ день гарнизонъ и граждане встрѣчали святыню-икону Преподобнаго Сергія Радонежскаго, освященную на мощахъ сего великаго Угодника Божія, почивающихъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ.

Извѣстное своею ревностію о благоуукрашеніи храмовъ Божіихъ въ Россіи благочестивое Троице-Сергіевское Общество Хоругвеносцевъ, по ходатайству О. Протопресвитера А. А. Желобовскаго, прислало образъ св. Сергія Радонежскаго Чудотворца Ковенскому Петро-Павловскому крѣпостному собору въ даръ, какъ знаменіе благословенія крѣпости. Образъ этотъ большаго размѣра, во всю длину раки Угодника и цѣнной живописи.

Еще за нѣсколько дней пришла радостная вѣсть о предстоящемъ прибытіи святыни. Народъ оповѣщенъ былъ чрезъ мѣстную газету, а его высокопревосходительство, комендантъ крѣпости, разослалъ объявленіе по гарнизону, чтобы всѣ желающіе приняли участіе въ торжественномъ крестномъ

ходѣ, назначенномъ нарочито на 12-е мая—праздникъ Св. Троицы, чтобы придать событію особенно величественный и поучительный характеръ <sup>1)</sup>).

Ковенское военное духовенство, совершивъ въ полковыхъ церквахъ Божественную литургію и положенную въ сей день вечерню съ колѣнопреклоненными молитвами, къ 12-ти ч. дня прибыло въ крѣпостной соборъ, который полонъ былъ молящимися и, разукрашенный зеленью, представлялъ собою истинно-художественное, христіански-умилительное зрѣлище.... Къ часу дня въ соборѣ богослуженіе закончилось рѣчью о. настоятеля, въ которой онъ выяснилъ чрезвычайную для края важность прибытія св. иконы Преподобнаго Сергія Радонежскаго. Проповѣдникъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Преподобный Сергій Радонежскій знаменитъ и славенъ своими высокими аскетическими подвигами и доблестями на защиту родной земли: Его имя дорого и священо для каждаго русскаго человѣка, какъ христіанина и патріота.... Онъ благословлялъ своею десницею великаго князя Дмитрія Донскаго на битву съ монголами и предсказалъ ему блестящую побѣду. «Иди князь, говорилъ св. Сергій, провожая его на войну, оставивъ всякое сомнѣніе. Богъ поможетъ тебѣ и ты не только побѣдишь враговъ, но и со славою великою возвратишься домой.... Даю тебѣ въ знаменіе побѣды двухъ отважныхъ иноковъ изъ своей обители Александра Пересвѣта и Андрея Ослябя», которые геройски и пали потомъ на полѣ сраженія, положивъ «животъ свой» за Вѣру Царя и Отечество.... Молитвами Преподобнаго Сергія не разъ было спасено наше Отечество отъ враговъ, Русскій народъ всегда съ благоговѣніемъ преклоняется предъ святынею Троице-Сергіевой лавры, куда ежегодно сотнями тысячъ стекается онъ на молитву предъ нетлѣнными мощами Радонежскаго Чудотвора. Подъ сѣнъ этой знаменитой обители, со дня ея основанія, постоянно являлись и являются на поклоненіе Преподобному Сергію всѣ наши благочестивые цари и царицы, чтя въ немъ великаго ходатая предъ Богомъ и защитника Царя и Отечества....

Встрѣчая нынѣ съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и радостнаго сердечнаго умиленія благословеніе Троице-Сергіевскаго Общества Хоругве-

<sup>1)</sup> Крестный ходъ разрѣшенъ преосвященнымъ Христофоромъ, епископомъ Ковенскимъ, который на рапортъ настоятеля собора, протоіерея Н. Каллистова благоволилъ положить такую резолюцію: «Мая 11-го дня. Торжественную встрѣчу и перенесеніе иконы Преп. Сергія, Господь благословить устроить согласно желаніямъ вашимъ. Епископъ Христофоръ. № 1875».

носцевъ св. икону Преподобнаго Сергія Радонежскаго, мы, христілюбивые воины и братіе христіане, съ святою любовію примемъ на рамена свои образъ великаго Угодника и Печальника земли Русской и, обლობивавъ его съ горячею вѣрою, принесемъ его въ нашъ благолѣпный соборъ, подѣ сѣнію коего онъ и будетъ отнынѣ пребывать постоянно. Какъ пастырь, я глубоко увѣренъ, что Ковенская крѣпость и градъ, осѣняемые отсель присутствіемъ драгоценной святыни, явятъ собою, молитвами Преподобнаго Сергія, дѣйствительно непоколебимую и несокрушимую ни временемъ, ни вражьиими силами, твердыню, служа въ тоже время оплотомъ вѣры и благочестія, безграничной любви и преданности Царю и Отечеству для всего Сѣверо-Западнаго края».

По окончаніи рѣчи настоятеля, раздался благовѣстъ въ большой колоколъ и звонъ «во вся», чѣмъ и положено было начало крестному ходу, направившемуся изъ крѣпостного собора по Кіевской улицѣ къ вокзалу, куда къ тому времени соборный священникъ о. К. Гапановичъ, совершавшій въ этотъ день литургію въ Сергіевской артиллерійской церкви, за р. Нѣманомъ, на Горной Фредѣ, прибылъ тоже крестнымъ ходомъ. Изъ лазаретной церкви тоже вышелъ крестный ходъ, который и присоединился къ главному у фабрики Тильмансъ. Весь путь отъ собора до вокзала былъ наполненъ народомъ, такъ что движеніе конки прекратилось. Погода гармонировала съ торжествомъ; солнце во всемъ блескѣ своего величія щедро обливало своими золотыми лучами землю.. Стройный хоръ соборныхъ пѣвчихъ, облаченныхъ въ красивые кафтаны, блестящія хоругви и духовенство въ свѣтлыхъ праздничныхъ ризахъ, придавали событію особенно трогательный оттѣнокъ. Множество лицъ, сопровождавшихъ крестный ходъ, были съ цвѣтами въ рукахъ: дома, украшенные, по случаю Троицына дня, зеленью довершали общее впечатлѣніе... Но вотъ, наконецъ, крестный ходъ достигъ вокзала, площадь которой была полна войсками... На парадномъ подъѣздѣ Царскихъ комнатъ стоялъ начальникъ 28 пѣх. дивизіи ген.-лейт. Максимовъ съ начальниками отдѣльных частей. Духовенство направилось въ царскіе покои вокзала, гдѣ въ залѣ, въ восточномъ углу, и стоялъ св. образъ Преподобнаго Сергія... Началось молебствіе св. Угоднику: при пѣніи тропаря всѣ присутствующіе склонили колѣна свои и горячо, со слезами, молились предъ св. иконою. По окончаніи молебствія, при участіи двухъ хоровъ Сергіевскаго артиллерійскаго, подѣ управленіемъ опытнаго и усерднаго регента и ктитора капитана М. М.

Гржибовскаго, и соборнаго, пріобрѣвшаго себѣ громкую славу, подъ управленіемъ подпоручика И. О. Александрова, все священнослужители взяли св. образъ на руки и вынесли съ вокзала на площадь, гдѣ сейчасъ же хоръ музыки 109 пѣхотнаго Волжскаго полка заигралъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»... Стремившійся къ св. иконѣ народъ трудно было сдерживать: все и каждый желали нести. Несмотря на то, порядокъ былъ образцовый. На приготовленныхъ, подобающихъ святынь носилкахъ, народъ понесъ торжественно образъ, поднявъ его на рамена. Ликъ Преподобнаго Сергія, сіяя на солнцѣ, видѣнъ былъ со всехъ сторонъ. Въ благоговѣнно восторженномъ настроеніи шла процессія крестнаго хода, увѣнчиваясь на пути новыми массами молящихся, прибывавшихъ съ боковыхъ улицъ и Михайловскаго проспекта.

Достигнувъ крѣпостнаго собора, крестный ходъ, предварительно вступленія въ оный, обошелъ кругомъ его, при чемъ, на каждой сторонѣ, св. образъ былъ пріостанавливаемъ на время прочтенія евангелія и окрапленія св. водою молящихся, при торжественномъ провозглашеніи словъ діакономъ Стрѣльченко: «Господу помолимся, рцемъ вси»...

По внесеніи въ соборъ святая икона Угодника Божія поставлена была посреди храма и предъ нею совершенъ былъ молебенъ съ акаѳистомъ Преподобному Сергію, во время котораго почти все богомольцы стояли на колѣнахъ. Желавшихъ поставить свѣчи было такъ много, что восемь большихъ подсвѣчниковъ были сейчасъ же переполнены. Трогательно и поучительно было смотрѣть на молящихся: лица ихъ были увлажнены слезами, такъ искренно и горячо они молились св. Сергію!...

Торжество перенесенія св. иконы съ вокзала въ крѣпостной соборъ за кончилось въ пять часовъ пополудни и народъ, несмотря на продолжительность крестнаго хода, какъ бы нечувствовалъ утомленія. Съ вѣрою въ сильное ходатайство Преподобнаго Сергія, онъ умиленно прикладывался къ св. образу и разошелся по домамъ только въ 9 часу вечера по окончаніи вечерняго богослуженія.

Такъ глубока, крѣпка и тверда св. вѣра православная въ русскомъ народѣ... Благодареніе Всевышнему! На отдаленной отъ сердца Россіи ино-вѣрной окраинѣ особенно отрадно встрѣчать торжества, подобныя нынѣ, 12 мая, совершившемуся. Возвышая душу, возгрѣвая въ ней чувства религіозныя, они ободряютъ народъ, привлекая къ единенію и чуждые православію элементы: при несеніи святыни, на всемъ пути, шли совмѣстно съ православными католики, лютеране и евреи... Трудно, конечно, судить

о томъ, что они переживали въ сердцѣ своемъ, но отраденъ уже тотъ фактъ, что они терпѣливо отъ начала до конца слѣдовали за процессіей крестнаго хода.

Въ такіе торжественные моменты подъема народнаго духа «небесъ благодать мнѣ въ душу таинственно лется и горькихъ житейскихъ страданій печать съ чела на минуту сотрется»... Я убѣжденъ, что и многіе другіе, присутствовавшіе на описываемомъ торжествѣ, ощущали въ душѣ своей тоже благодатное впечатлѣніе»...

**Очевидецъ и участникъ.**

### Извѣщеніе для военнаго духовенства.

На братскомъ собраніи военнаго духовенства 30 апрѣля сего года съ особенною сердечною отзывчивостію было ветрѣчено и принято предложеніе О. Протопресвитера военнаго и морского духовенства А. А. Желобовскаго почтить покойнаго протоіерея І. М. Пятибокова какимъ-либо соотвѣтствующимъ знакомъ доброй памяти къ его имени и его геройскому подвигу во время Крымской кампаніи. Было признано цѣлесообразнымъ, кромѣ изготовленія гравюръ съ изображеніемъ его доблестнаго дѣянія 11 марта 1854 года, соорудить памятникъ въ честь героя—пастыря. По инициативѣ Его Высокопреподобія, О. Протопресвитера, на томъ же братскомъ собраніи среди присутствовавшихъ была открыта подписка пожертвованій для означенной цѣли (подписано 134 рубля). Несомнѣнно, что и все военное духовенство съ живою готовностію откликнется на доброе дѣло увѣковѣченія памяти одного изъ достойнѣйшихъ его представителей и посильною лептою поможетъ его осуществленію. Желаящіе благоволятъ присылать пожертвованія въ Духовное Правленіе при Протопресвитерѣ военнаго и морского духовенства.

*Содержаніе.* Высоч. награды. — Лестный отзывъ. — Доброе слово объ о. Бриллиантовѣ. — Слово въ 3-ю недѣлю по пятидесятницѣ. — Поученіе въ день праздника въ честь иконы Божіей Матери Троеручицы. — Св. иконы, сооруж. въ память Св. Коронованія. — Освящ. колокольни и колоколовъ. — Загладка полк. храма въ Гори. — Изъ воспом. воспитанника арм. семинаріи. — Встрѣча иконы преп. Сергія. — Извѣщеніе.

Редакторъ-Издатель, Свясш. **Іоаннъ Таранецъ.**

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, Іюня 7 дня 1896 года.

Цензоръ Архимаандритъ Меводій.